

М.Н. Мотамедия, М.С. Резаи
 Мазандаранский университет, Иран

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ДВУХ КУЛЬТУР: РОССИЯ И ИРАН В РОМАНЕ Ю.Н. ТЫНЯНОВА «СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА»

Настоящая работа посвящена российско-иранским отношениям, которые получили свое отражение в русской литературе, и является исследованием исторической памяти России о контактах с иранцами, как с вельможами, так и с простым народом. Эта память неизбежно затрагивает широкий круг исторических и социологических проблем, даже религиозных вопросов, и воплощается в том числе в литературно-художественной форме.

Факт пребывания А.С. Грибоедова в Персии находит отражение и в художественном полотне Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». Стремление автора разрешить в романе проблему исторической истины вызывает неоднозначные оценки критиков.

Российско-иранские отношения, литературно-художественная форма, А.С. Грибоедов, Ю.Н. Тынянов, историческая истина.

В 30-е гг. XX в. писатели, наряду с изображением событий революционной эпохи и социалистического строительства, обращаются в своих произведениях и к прошлому страны.

В историческом романе Ю.Н. Тынянова, где идет речь о трагической судьбе и гибели талантливого русского дипломата А.С. Грибоедова, история России оказывается неразрывно связанной с историческим прошлым Ирана.

Пожалуй, «Смерть Вазир-Мухтара» – наиболее известное в русской литературе произведение, связанное с изображением российско-иранских культурных взаимоотношений. Как отмечает А.И. Солженицын, «Роман Ю. Тынянова вырос из глубоких исторических и теоретических исследований. Труд в эту книгу вложен огромный, особенно в персидском материале [5, с. 195].

События, происшедшие с Грибоедовым в Персии при выполнении им важного государственного поручения, гибель в неравном бою во время разгрома религиозными фанатиками русской миссии в Тегеране показаны в романе в сложном психологическом ключе, полны редкого драматизма и эмоционального напряжения.

Тынянов в романе «Смерть Вазир-Мухтара» блистательно описал Тифлис, впервые посетив Грузию уже после выхода книги, и мастерски представил Персию, Тегеран, где никогда не бывал.

Прозаик показывает страну, разоряемую и своими правителями, и выигравшей войну Россией, которая требует выплаты непосильной контрибуции. Широкие картины социально-политической жизни Ирана и России, дипломатических отношений двух государств, осложняемых интригами англичан, деятельности Грибоедова-дипломата, шаха Ирана Фетх-Али, его наследника и фактического правителя страны Аббаса-Мирзы позволяют писателю раскрыть драматическую

противоречивость истории двух стран – России и Ирана.

Автору нельзя не поставить в заслугу использование историко-литературных фактов с той художественной прозорливостью, которая свидетельствует о недюжинных способностях на далеком расстоянии схватывать наиболее рельефные очертания и отделять их от тех штампованных оценок, которые на протяжении десятилетий загромождают собой подлинный лик анализируемых фигур... Подчеркивая «познавательное значение», «познавательную сущность» лучших советских исторических романов, Т.Ю. Хмельницкая видит силу Тынянова-беллетриста в том, что в романе «он дает нам образ эпохи куда шире и глубже, чем в своих очень интересных... историко-литературных исследованиях» [9, с. 42, 44–45].

Видно, что рамки романа выбраны метко: от уже подписанного Туркманчайского мира до гибели Грибоедова. Узость временного интервала при насыщенности драматическими событиями дала писателю возможность сделать роман живым, его сюжет, несмотря на множество отступлений, – динамичным.

Собственно Персии в романе посвящены главы 6–13, однако интересующая нас тема, будучи неразрывно связана в произведении с именем главного героя – Грибоедова, привезшего в российскую столицу Туркманчайский мир, на уровне еще не ясных для читателя воспоминаний, общих, туманно выраженных впечатлений и мимолетных замечаний главного героя проникает на страницы романа много ранее. Первое, что узнает читатель, это приговор, вынесенный главным героем, – «немилая Азия» [6, с. 20]. Вместе с тем, это не столько непосредственное умозаключение Грибоедова, вынесенное из личных впечатлений о стране, сколько выражение тяготящих его отношений с матерью, непростых денежных обстоятельств в семье и т.д. Вот почему «немилая Азия» не мила имен-

но потому, что она «маменькина Персия, будь она трижды проклята» [6, с. 20]. Так впервые оформляется тема, которая в романе приобретет значение лейтмотива – «проклятая Персия».

Дальнейшее свое развитие она получает в эпиграфе. Он предпослан 6 главе, вслед за которой приводятся остальные главы о Персии:

Говорят про Персию –

Что богатая.

Она не богатая,

Распроклятая.

Солдатская песня [6, с. 423].

В то же время первая «персидская глава» открывается утверждением, которое оспаривает эпиграф. Выбор эпиграфа здесь – несомненное выражение авторской воли и, следовательно, авторской точки зрения. Начало главы (краткость фраз, даже в пределах сложного предложения – минимальность грамматической структуры) создает впечатление об описании как регистрации увиденного, это, надо полагать, точка зрения путешественника, мимолетно замечающего «бледные дороги», «голубые поля с утомленным жнитвом», «красные горы» (Там же, с. 246), т.е. точка зрения героя-дипломата. Следовательно, и утверждение-замечание, открывающее первую «персидскую главу»: «Она не богатая, она не проклятая» (Там же), – принадлежит именно ему.

Если автор, избирая в качестве эпиграфа выщипанный фрагмент солдатской песни, присоединяется тем самым к точке зрения фольклорного сознания, смотрит на Персию глазами солдата, подневольного человека (песня – *солдатская*), то герой смотрит на страну, во-первых, взглядом дипломата, т.е. образованного человека с положением, полномочного министра, во-вторых, это взгляд человека, умудренного опытом. Именно Грибоедову, который должен собирать с персиян дань (злополучные *куруры*), как никому известно, что Персия «не богатая». Кроме того, если автору известно, что для героя пребывание в стране станет проклятием всей жизни (завершится его смертью и смертью неродившегося ребенка), то последнему это неизвестно. Как отмечает Б. Эйхенбаум, «весь роман построен на “сопряжении” человека и истории – на извлечении исторического корня из любого эпизода, из любой детали» [11, с. 416]. Для Грибоедова Персия – это рутинная во многом тяготящая его дипломатическая служба. Для героя-дипломата Восток и восточное обращение (обычаи, традиции) уже понятны и привычны, поэтому она «не проклятая», скорее – понятная и потому скучная. Это скука службы умного человека, вынужденного служить под началом не согласующих свои действия бездарных начальников: «...лебеда, щука и рак двигали им» (Там же, с. 283).

Итак, восприятие Персии в романе изначально полисеманлично. Оно усложнено сопереживанием несоответствующих идеологических позиций – автора и героя. Несущий на себе печать проклятия, герой об этом не подозревает, для него Персия «не проклятая». Однако именно так («распроклятая») воспринимает Персию автор, для которого образ страны проецируется сквозь известные ему события (разгром религи-

озными фанатиками русской миссии в Тегеране). Тема неведения и тяготеющего над Грибоедовым персидского несчастья-проклятия еще появится в романе (мы вернемся к этому позднее). Таким образом, автор придерживается концепции, согласно которой «во всяком литературном произведении наличествует последняя смысловая инстанция творящего» [1, с. 76].

Другой лейтмотив, связанный с восприятием Персии глазами русского европейца Грибоедова, обоснован излагаемой в романе концепцией восточного национального характера – так, как он видится Грибоедову. Его точка зрения как дипломата здесь значительно более авторитетна, чем авторская. Наделяя своего героя дипломатическим даром и следуя здесь исторической правде, автор в умозаключениях о национальном персидском (и шире – восточном) характере солидарен со своим персонажем; налицо совпадение точек зрения автора и героя.

Впервые этот лейтмотив оформляется в замечании главного героя – «младенческая Азия» (Там же, с. 46). Он появляется исподволь, в весьма неожиданном контексте: все в жизни главного героя, даже отношения с женщиной, пронизаны неустанным воспоминанием о восточном прошлом (Туркманчайский мир) и мыслями о будущей службе на Востоке – «немилой Азии». Его отношение к Востоку (уже – к Персии) сопоставляется с завоеванием женщины: «Высшая власть и высший порядок были на земле.

Власть принадлежала ему.

Он тупым железом входил в тучную землю, прорезал Кавказ, Закавказье, вдвигался клином в Персию.

Вот он ее завоевывал, землю, медленно и упорно... И наступило полное равновесие – младенческая Азия дышала рядом» (Там же). Азия в романе Тынянова – это пространство битвы, объект завоевательной борьбы, и это же – женщина, более того – женщина с манерами ребенка, дитя, совершающее преступление как бы невинно, отчего безнравственность поступка (мимолетная связь с женой друга в его доме) умалется, как бы снимается с повестки и не обсуждается. Так впервые возникает, а проясняется затем много позже (в «персидских» главах) тема восточной нравственности, иной, не такой, как европейская. (Ее носителем здесь, в Петербурге, выступает Грибоедов; в Персии, напротив, он будет вынужден столкнуться с ее проявлениями со стороны иранцев.)

В шестой главе романа образ «младенческой Азии» получает свое развитие: повествователь смотрит на Иран как на «старую страну», которая «ничего не знает о своей старости, потому что в ней живут люди» (Там же, с. 246). Итак, древняя история Ирана, много более древняя, чем история Российского государства: «...Тегриз существовал уже в восьмом веке, а Тегеран – во время Тамерлана» (Там же, с. 247), не сообщает Персии старости, она «ничего не знает о своей старости», потому что в ней живут люди со специфическим складом характера – «азиатцы», как дети, простодушные в своем лукавстве и жестокие же, как дети. Ф. Корф, посещавший Персию в начале XIX в., так описывал национальные черты персов: «Надо сделать состав из свойств лисицы, кошки и тигра, чтобы получить настоящий персидский характер» [3, с. 178].

Тема иранского национального характера проникает в роман незаметно, первоначально в виде разрозненных замечаний: то как оценка автором поступков главного героя, объясняемых его привычкой к восточному образу жизни (фрагмент 1), то как впечатления последнего от посещения тифлисской бани (фрагмент 2), наконец, как воспоминания о Персии, возникающие у главного героя по дороге в Тебриз (фрагмент 3).

(1) «Так было на Востоке, где торгуются для вида, а между тем высоко ценят каждый час лени и хорошо проведенную ночь. Он привык так жить...» [1, с. 51].

(2) «Бани тифлиские, бебутовские превращают человека в азиатца, отбивают у него всякие скольконнибудь холодные мысли, лишают возраста и вселяют ленивую, как мыльная пена, любовь к себе – и ни теплое, ни холодное, как края бассейна, равнодушие ко всему. Они напоминают любовь очень зрелой женщины и похожи на счастье» (Там же, с. 148).

«...Походка его легкая, танцующая, неожиданно изящная. По этой походке сразу познается персиянин, существо слабое и изнеженное, изящное и скрытное.

...Он приложил руку ко лбу со всею свободою учтивого азиатца. Какое древнее достоинство в осанке и походке у содержателя бань» (Там же, с. 149).

(3) «Азиатская страна, голая ладонь старого человека, волнообразные горы, как мозоли, как следы долгой работы – работы зель-зелэ, землетрясения» (Там же, с. 246).

Анализ приведенных фрагментов позволяет сделать несколько важных умозаключений о концепции иранского национального характера, излагаемой в романе.

Внешность Азии обманчива. Несмотря на то что она кажется старой («голая ладонь старого человека»), сравнивается с трудной работой («мозоли... следы долгой работы»), она молода и ленива (фрагмент три). Три главных критерия являются определяющими в характеристике собирательного образа персиянина: «*Азиатская лень, удобство... да еще персидская важность* – ташаххюсс, – да любовь к игрушечным калейдоскопам – такова *персиянская роскошь*» (выделено нами. – М. М.) (Там же). Эти определения-критерии, собранные воедино в шестой главе, открывающей рассказ собственно о Персии, были отмечены в романе уже ранее: «ценят каждый час лени и хорошо проведенную ночь» (фрагмент 1); «вселяют ленивую, как мыльная пена, любовь к себе... равнодушие ко всему», «персиянин, существо слабое и изнеженное» (фрагмент два). Показательно здесь и вновь возникающее сравнение с женщиной: «напоминают любовь очень зрелой женщины». Комфорт, лень, изнеженность – все, что формирует «азиатскую лень», во-первых; учтивость, «древнее достоинство в осанке и походке» – персидскую важность, ташаххюсс, во-вторых; «персиянская роскошь», в-третьих. Такими главными наблюдениями над сущностью иранского национального характера в романе.

Здесь же подспудно определяется такая черта персидского характера, как лукавство (пресловутая восточная мудрость). Так, указывается, что на Востоке «торгуются для вида»; что восточные бани «похожи на счастье», но только похожи, это такая же види-

мость, как женская любовь, непостоянная по своей природе; что персиянин – существо не только изнеженное, но и «скрытное» (фрагмент два). Как видим, четвертым определяющим качеством персидского характера является скрытность и лукавство по отношению к представителю иной культуры.

Однако в романе последняя черта характера не осуждается, главный герой, выносящий оценки, с которыми солидарен автор-повествователь, воспринимает ее как данность, как свидетельство несхожести двух культур и только. Национальный характер, нравы восточного человека – результат тех обычаев, которые были сформированы веками. Здесь стоит отметить мастерство писателя, столь колоритно передавшего образ восточного человека. Неслучайно Солженицын, анализируя роман «Смерть Вазир-Мухтара», отметил: «Главы о Персии – как будто отдельный совсем другой роман» [5, с. 197]. Позднее устами одного из персонажей-иранцев в форме афоризма озвучивается важная мысль. «Удача как женщина – у нее закрыто лицо» (Там же, с. 198), – говорит Аббас-Мирза. В свете вышесказанного это выражение следует интерпретировать так: как лица восточных женщин скрыты чадрой, скрыты мысли восточных мужчин. Афористичность высказывания – яркий пример восточной манеры излагать свои мысли – также имеет своей природой обычай быть скрытным в лице и мыслях. «Ровная, непрерывная улыбка у него на лице, зубы белы, а кто поймет его глаза?» (Там же). Следует отметить, что тема неизбежности судьбы, рока постоянно присутствует в романе. Для автора эта тема имеет собственное значение. Как отмечает критик Б. Вальбе, «судьба в понимании Тьнянова не имеет никакого отношения к мистике. Судьба – это производное заложенных в человеке качеств и Истории» [2, с. 38].

Высказывание об удаче полно глубокого смысла. Это не только иллюстрация метафоричности восточного языка, даже – не только характеристика национального характера, выражающего склонность к восточной философии, которая получила в мировой культуре понятие восточной мудрости. Оно полно глубокого смысла и в контексте всего романа в целом, как свидетельство авторского знания об участии главного героя. Сегодня удача на стороне Грибоедова, который по условиям Туркманчайского мира вправе требовать выплаты контрибуции, но что будет завтра? «Колесо идет вверх и вниз. *И здесь нечему радоваться*. Удача как женщина – у нее закрыто лицо» (выделено нами. – М. М.) (Там же, с. 37) – такова речь Аббаса-Мирзы, которая развивает уже упомянутую нами ранее тему персидского проклятия, одинаково тяготеющего над служивым (солдатом в эпитафии) и служащим (дипломатом, Вазир-Мухтаром в романе). Главному герою, как следует из контекста, угроза проклятия так и остается неявной: «а кто поймет его глаза?» (Там же).

Близорукость главного героя также обретает здесь символический подтекст. Очки неприличны на лице полномочного министра; Грибоедов снимает их. При въезде российского посольства Персия, в который раз, в романе показана глазами главного героя: «Грибоедов въехал в город Тебриз седьмого октября. Он ехал верхом. Он снял очки, неприличные при сем случае, и

Тебриз казался ему разноцветной колышущейся выветренной глиной» [2, с. 31]. Тынянов постоянно обыгрывает тайный смысл слов: близорукость Грибоедова оказывается символом близорукости представителя чужеземной культуры по отношению к нравам и обычаям другой страны. Каким бы блестящим дипломатом ни был главный герой романа, его знание Востока несоизмеримо мало по сравнению с носителем восточного менталитета; его знания приобретенные – знания персиянина кровные, врожденные.

На наш взгляд, трагедию главного героя следует рассматривать именно в том методологическом ключе, который предлагает имагология. В данном случае понятие имагологии подразумевает учение об образах, являющееся составной частью сравнительно-исторического метода в литературоведении [12, с. 67]. Прежде в плане идеологии этот роман анализировался исключительно с позиций социально-политических отношений двух стран, часто – в свете проблемы мыслящего человека в николаевской России; авторы полагают, что более перспективен путь, при котором события ирано-русской истории будут рассмотрены с точки зрения соотношения двух культур. Т.е. именно в аспекте диалога культур, в данном случае несостоявшегося.

Для русской литературы традиционен взгляд на Восток (в нашем случае – Персию) глазами иностранца, чужеземца. Собственно, иначе быть не может. «Взгляд чужеземца» – этот специфический фокус видения, при котором внимание повествователя обращается на то, что экзотично, – проявляется в подчеркнуто регистрационной манере изложения. Подобную точку зрения Б.А. Успенский называет «внешней» [7, с. 82]. Этот специфический фокус, особая точка зрения в романе отмечены перечислительной интонацией. Например, у Л. Рейснер это «розовые сады, рисовые болота, розовый ветер» (Там же, с. 92). В романе Тынянова *взгляд чужеземца* угадывается в пространственных этнографических отступлениях. И действительно, только представителю иной культуры необходимы подобные пояснения; его роман – сообщение, адресованное читателю, не знакомому с восточными нравами. Эта авторская установка срабатывает очень явственно именно в том, что моделируется тот фокус видения, который мы обозначили как *взгляд чужеземца*.

В романе постоянно подчеркивается инаковость восточных традиций и обычаев, нравов и поведения. Приведем несколько показательных примеров. Так, при разговоре с Грибоедовым его собеседник Аббас-Мирза «сидел неподвижно – ходить по комнате, разговаривая, – обычай европейцев и сумасшедших» (Там же, с. 279). Очень яркий и такой пример: «Ковер в Персии – мебель, и кофейная – газета. Кадий, пришедший сюда, – суровая официальная статья, привлекающая кофе, два старика – статьи забавные, они курят кальяны, один купец – хроника, а другой, потолще, – объявление о товарах» (Там же, с. 329). Здесь в каждом из приведенных примеров все строится на сопоставлении по линии «Восток – Европа»: в Европе, разговаривая, ходят по комнате – на Востоке сидят на ковре; в Европе ковер – украшение, элемент декора – на Востоке это мебель; в Европе читают газеты – на Востоке ходят за новостями в кофейню.

И так далее, и так далее. Параллели можно проводить до бесконечности, но автор, избрав здесь в качестве приема художественного изображения сравнение на основе контраста (антитеза), очень убедительно демонстрирует различие двух культур посредством двух-трех убедительных сопоставлений. То же отметим при описании восприятия Грибоедовым встречи дипломатической миссии в Тегеране: «Их увидели. Заорали глашатаи, музыканты заревели в трубы, засвистали пронзительно, и охнули, как гул зель-зелэ – землетрясения, персиянские барабаны. Над площадью на канатах заплясали с мерным криком плясуны, засеменили, балансируя разноцветными палками. Это они и кричали так мерно и жалобно, когда он подъезжал к воротам. Внизу им ответили топотом и пеньем пехлеваны.

...Черт их возьми с их *царскими встречами*. Это *балаганы масленичные*, ни пройти, ни проехать» (выделено нами. – М. М.) [7, с. 307]. То, что у персов знаменует оказание почестей, царскую встречу, русским культурным сознанием воспринимается как масленичный балаган. Отражение инаковости двух культур, мастерски изображенной писателем, для читателя служит возможностью целостного восприятия каждого эпизода романа. Говоря словами В.Е. Хализева, «слагаемые художественного целого здесь не только контрастируют, сколько дополняют друг друга» [8, с. 289].

Иллюстрацией инаковости двух культур по отношению друг к другу становится в романе столкновение стереотипного представления и реального. Тут вновь проявляется уже известный нам архетип восточного рая – представление о Востоке как стране несметного изобилия. Так, например, дипломат Грибоедов получает выговор за небрежение в истребовании с персиян контрибуции. Аргументом служит именно стереотип, сложившийся в русском сознании веками: «Финик писал ему, что крайне недоволен его действиями. Пусть Аббас сидит в Тебризе, куруров не прощать, *все знают, что Персия страна богатая*, и он изумлен...» (выделено нами. – М. М.) (Там же, с. 283). Корреспондент Грибоедова ссылается не на что иное, как на то, что *все знают*. Тогда как в реальности «персиянским чиновникам и гарему была задержана выдача жалованья. Были срезаны бриллиантовые пуговицы у любимых жен Аббаса» (Там же, с. 282). Сталкиваются две точки зрения: обывательская, основанная на шаблонных представлениях о стране, не известной ее носителю, и точка зрения носителя персидского менталитета. Фактически сталкиваются две культуры. Отметим, согласно концепции автора, представители русской культуры в лице Нессельроде и К. не обладают достаточной гибкостью мышления, чтобы полноценный диалог двух культур состоялся.

Взгляд чужеземца как фокус изображения, как уже упоминалось, моделируется в романе «Смерть Вазир-Мухтара» при помощи развернутых этнографических отступлений. Вне их пределов Персия не могла бы быть изображена настолько емко, как того требовал художественный замысел писателя, во всяком случае – достаточно внятно для адресанта коммуникативной цепи в лице русского читателя. Как пишет Солженицын, «колорит достигается через множество персидских терминов» [5, с. 197].

Наиболее яркими следует признать отступления, имеющие вид развернутого экскурса исторического или этнографического характера. Неслучайно Эйхенбаум назвал произведение Тынянова «своего рода научным романом» [11, с. 419]. Роман полон изображения и описания иранских традиций, обрядов, верований и обычаев. Мы не можем цитировать их здесь полностью ввиду объемности материала, однако вправе дать им литературоведческую оценку. Таково, например, отступление в первой, второй, третьей подглавках главы шестой романа (оно представляет собой краткое, но емкое изложение истории династии Каджаров и российско-персидских отношений); таково подробное описание альковной жизни персиян, а именно гаремных нравов, полностью занимающее подглавку шестой главы романа: «Гарем не гарем, гарем – учреждение, военный лагерь, женское войско, с предводителем, штатом, с бухгалтерией тканей и поцелуев, с расписанием регул, с учетом беременностей, с интригами ложа» (Там же, с. 258). К сценам, которые никак не служат движению сюжета, а демонстрируют историко-этнографическую эрудицию автора, следует отнести и описание персидского свадебного обряда (подглавки 1, 2 главы восьмой): «Самсон-хан выдавал дочку замуж за наиб-серенга Скрыплева» (Там же, с. 293). Нельзя не отметить также подробного этнографического описания в романе Тынянова такого восточного феномена, как евнушество (подглавка 5 главы восьмой). Писатель считает необходимым подробно изложить историю каждого из трех евнухов при дворе персидского шаха. Следует отметить мастерство Тынянова-психолога, который смог создать психологические портреты Манучехр-хана, Хосров-хана и Ходжи-Мирзы-Якуба настолько удачно, чтобы читатель мог в полной мере проникнуться скрытым драматизмом существования этих героев: «...страшны пустоты в теле человека... Хосров-хан заполнял пустоту – амазонскими играми и роскошью. Манучехр-хан – властью, деньгами, сундуками. А у Ходжи-Якуба была библиотека, он занимался наукою яростно, как любовью. По целым дням он сидел над книгами. Но по ночам он не спал... Пустота лежала рядом с ним» (Там же, с. 310).

Таким образом, жизнь Персии представлена в романе «Смерть Вазир-Мухтара» во всех ее аспектах: характеризуется социальная структура персидского общества, экономическое и политическое положение страны, психология разных лиц, занимающих самое разное положение в социальной иерархии на Востоке (правлящих лиц, приближенных, простого народа). Как отмечает Эйхенбаум, «здесь всем владеет история» (Там же, с. 421).

Особое внимание уделено в романе Тынянова не столько политике и экономике, сколько национальному персидскому характеру, впечатлению о котором складывается у читателя постепенно, на протяжении всего повествования. Разные лица, поступки тех или иных персонажей составляют своеобразную мозаику, отдельные части которой постепенно складываются в целостную картину.

Национальный персидский характер проявляется не только посредством отступлений историко-этнографического характера. Помимо того что специфичес-

кий восточный колорит, свойственный тыняновскому повествованию, достигается в том числе и за счет употребления множества персидских терминов: «ташахьюс», «Хабар-дар! Хабар-дар!», «тасбих», «хаким-баши», «Гулям-пишхедметы» и др., т.е. собственно языковыми средствами, значимую роль здесь играют и отступления притчевого характера. Так, например, получает специфически восточное прочтение такой знаковый для русской культуры, получивший особое значение в русской литературе вопрос, как *кто виноват?*

«Кто виноват? В восточных семьях, когда умирает глава семьи, долго обсуждают этот вопрос: кто виноват? И виноватым оказывается либо врач, либо невестка, не вовремя подавшая питье, только не язва желудка, от которой умер больной. Персия умирала от язвы... Виноваты Каджары. Алаяр-хан, присоветовавший войну и построивший после этого дворец, не виноват. Виноват Аббас-Мирза, и следует его свергнуть» [11, с. 264].

Это отступление, несомненно, носит притчевый характер и в контексте романа в целом имеет не только узкое значение как внутренний монолог Алаяр-хана, как развернутая характеристика этого персонажа, но и как притча, имеющая символический смысл в свете общей идеологической концепции произведения. Здесь следует вновь обратиться к теме «проклятой» Персии. Подспудно в этом отступлении о восточных нравах дана авторская оценка российско-иранским отношениям в целом и судьбе Грибоедова, ее финалу в частности. А. Немзер считает, что Тынянов представил читателю новую концепцию событий в Персии [4, с. 245].

Виновный останется безнаказанным, а обвинен будет не подлежащий обвинению. Так следует, на наш взгляд, интерпретировать этот фрагмент текста. Таким образом, с главного героя ответственность за постигшую его участь снимается.

Собственно, проблема вины в виде указания на конкретных лиц в романе снимается в целом. Исследователи отмечают, что «Тынянов сумел как бы перевоплотиться в героя, представить эпоху не извне, а изнутри» [10]. Таким образом, Тынянов поднимается выше возможного осуждения николаевской России. Оно, конечно, имеет место в романе, на что справедливо указывали многочисленные исследователи, однако авторская концепция шире критики и отвержения самодержавной государственности. Она глубоко философична, на наш взгляд. И рассматривать ее следует в широком культурологическом аспекте, а именно в аспекте проблемы диалога двух культур, двух менталитетов – российского и персидского, западного и восточного.

Трагедия Грибоедова, если рассмотреть ее в этом ключе, это трагедия чужеземца, несмотря на свой дипломатический опыт, все же смотрящего на Персию глазами иностранца, который судит о ней по русским (европейским) меркам. Это особенно явно при описании въезда главного героя в Тегеран. Желая поддержать честь русской дипломатической миссии, статус своей страны, он пересаживается на хорошую лошадь – вороного карабахского жеребца. Грибоедовым движут, несомненно, только лучшие побуждения,

однако этот поступок производит вовсе не то впечатление, которого следовало бы ожидать. Сказывается незнание персидских обрядов и верований. Тынянов дает очень яркое описание эмоциональной реакции персиян, встречающих русскую миссию: «Как человеческий ветер, качнулась толпа. Они бегут, шарахаясь, давят друг друга... Они воют... передние... закрывают лица руками... Он не понимает... Что произошло?»

Убийца святого имама Хусейна, сына Алиева, въехал некогда *на вороном коне*...

Вазир-Мухтар въехал *на вороном коне*» [6, с. 230].

В романе подчеркивается сложность отношений Персии и России. В частности, о них говорится как о «торговой и географической игре» (Там же). Однако в силу принадлежности к разным культурам русские и персы играют по разным правилам, каждые – следуя своему менталитету. Вот почему игра превращается в войну «без солдат, без пушек, еще более страшную» (Там же). Казалось бы, трагедия экзистенциальна, т.е. имеет непреходящий характер: культуры слишком различны – конфликт неизбежен. Однако глубина и философичность концепции автора проявляется в умении избежать однобокости: подобное суждение слишком упростило бы ее. Проблема рассматривается в романе и в другом ракурсе: то же право на существование имеет другая версия, согласно которой глубина свершившейся драмы не только в различии, но и в сходстве двух культур. Россия по отношению к Европе – Восток, по отношению к Персии – Запад, Европа. Здесь сказывается, на наш взгляд, представление, которого не избегнул и Тынянов, об особом положении России, положении «между». Потому в романе показано не только различие двух культур – российской и персидской, но и их сходство. Эйхенбаум отмечает: «Романом о Грибоедове был открыт путь прямо в историю. <...> Слова и вещи в романе существуют в двух планах: конкретность перерастает в символику, малое – в большое, бытовая мелочь – в формулу эпохи» [11, с. 462–463].

Постоянно проводятся параллели, которые могут служить иллюстрацией к выдвинутому нами положению. Вот характерный пример:

«В 1829 г. она похожа на Россию времени Ивана III или, может быть, Алексея Михайловича; вероятно, Петра не было или его не заметили. Соперничество двух городов, старшего и младшего: Тебриза и Тегерана, как Москвы и Петербурга» (Там же, с. 247).

Выделим параллели: Персия Фетх-Али-шаха – Россия Михайловича; Тебриз, Тегеран – Москва, Петербург.

Другой пример:

«Он [Фетх-Али-шах] небольшого роста, с теми же живыми глазами, что у Аббаса, но уже тусклыми, уже покрасневшими, он старый красавец с мясистым тюркским носом. Самое красивое в нем – борода, считающаяся длиннейшей во всей Персии, борода, спускающаяся двумя ассирийскими колоннами до “нижних областей желудка” – как пишет стыдливый путешественник, борода, лезущая до глаз, застилающая уши. Если б Баба-хан жил на Руси, его называли бы льстецы тишайшим, а за глаза прозвали бы Черномором. Баба-хан, вовсе не занимающийся государственными делами, – умен и, пожалуй, не менее умен, чем

сын его Аббас, занимающийся этими делами [11, с. 255–256].

В данном случае параллели не столь прозрачны и легко выделимы, как в предыдущем примере, они требуют знания истории России, содержат в себе интертекстуальные отсылки к русской литературе и в целом требуют от читателя эрудиции. Однако при сопоставлении с предыдущим примером достаточно легко читаемы. Так, если ранее говорилось, что Персия «похожа на Россию времени Ивана III или, может быть, Алексея Михайловича» (Там же, с. 462–463), то в данном случае параллели проводятся именно с Россией эпохи Михайловича. Неслучайно, конечно, такое замечание автора-повествователя: «Если б Баба-хан жил на Руси, его называли бы льстецы тишайшим, а за глаза прозвали бы Черномором» (Там же, с. 255).

Тишайший – именно так называли на Руси отца Петра I. Выстраивается параллель: Фетх-Али-шах – Алексей Михайлович. Черномор тоже узнаваемая фигура – персонаж поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», сравнение с ним идет, конечно, не только из-за бороды персидского правителя («борода, считающаяся длиннейшею во всей Персии... лезущая до глаз, застилающая уши» (Там же)). Черномор – образ символический, служащий в контексте тыняновского романа указанием на сильного и хитрого соперника, которому, однако, суждено быть побежденным русским богатырем. Собственно, такова политическая судьба Фетх-Али-шаха, который проиграл русско-персидскую войну и был вынужден платить контрибуцию победителю.

Итак, в русской истории и русской культуре (в частности, в литературе) Тынянов находит достаточно поводов, чтобы сопоставить страны не только на основании различия, но и, что особенно знаменательно, на основании сходства. Отмечая эту заслугу Тынянова, Эйхенбаум писал: «Он сказал много нужного для культуры – для понимания истории и человека». (Там же, с. 496). Находится повод и для сравнения двух стран даже по такому универсальному для каждой культуры критерию, как национальный характер, менталитет. Правда, сравнение это вовсе не явно, и для того, чтобы оно было осознано, требуется весьма скрупулезно рассмотреть составляющие собирательного образа персиянина в романе.

«О дремота, упавшая на тело российское! Копытится в дремоте безымянный Паскевич, увязнул на заднем дворе – тегеранском? Московском? – Чаадаев, и нет никого в воздухе, сером, как глаза Нессельроде» (Там же, с. 338). Азиатская персидская лень, дремота российская – эти категории общего семантического ряда, сопоставляя национальные характеры персов и россиян, объединяют их. Как писал великий русский философ В.С. Соловьев, «русская национальная идея... не может исключать принципа всечеловечной содержательности» (цит. по: [6, с. 153]).

Как видим, концепция автора в романе Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» отличается сложностью, сообщаемой ей философичностью авторской позиции. Отношения двух стран в романе преодолевают рамки политических, социальных, экономических и выводятся автором на более глобальный уровень – уровень диалога культур. Причем последний рассматривается

двойко: автор видит как возможность его успешности (общность истории, черт национальных характеров), так и трагической несостоятельности.

Образ Персии в романе, как и образ России, амбивалентен; одно проясняется посредством другого. Несмотря на то что в произведении моделируется специфический фокус видения (взгляд чужеземца), это не только не мешает, но, напротив, способствует наиболее полному раскрытию темы взаимоотношений двух стран. Доминирующим художественным приемом, служащим авторским целям, становится сравнение: как на основе контраста (антитеза), так и на основании сходства.

Литература

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Наука, 1975. – 448 с.
2. Вальбе, Б. Юрий Тынянов и его исторические романы / Б. Вальбе // Ленинград. – 1931. – № 10. – С. 31–38.
3. Корф, Ф. Воспоминания о Персии 1834–1835 / Ф. Корф. – Санкт-Петербург : Гуттенбергова тип., 1838. – 290 с.
4. Немзер, А. Литература против истории. Заметки о «Смерти Вазир-Мухтара» / А. Немзер // Дружба народов. – 1991. – № 6. – С. 241–252.

5. Солженицын, А. «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова // Новый мир. – 1997. – № 4. – С. 191–199.

6. Тынянов, Ю. Н. Смерть Вазир-Мухтара : [Роман о А. С. Грибоедове] / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Дружба народов, 1995. – 423 с.

7. Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – 347 с.

8. Хализев, В. Е. Теория литературы : учеб. для студентов вузов / В. Е. Хализев. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 2004. – 404 с.

9. Хмельницкая, Т. Ю. Голоса времени. Статьи о современной советской и зарубежной литературе / Т. Ю. Хмельницкая. – Москва : Советский писатель, 1963. – 414 с.

10. Эйдельман, Н. Я. Эпиграф Тынянова / Н. Я. Эйдельман // Знание – сила. – 1982. – № 5–6. – URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/NYE/TYNYANOV.HTM> (дата обращения: 08.07.2024). – Текст : электронный.

11. Эйхенбаум, Б. М. О прозе : сборник статей / [сост. и подгот. текста И. Ямпольского] / Б. М. Эйхенбаум. – Ленинград : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1969. – 503 с.

12. Яценко, Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко. – Санкт-Петербург : Лань, 1999. – 524 с.

M.N. Motamednia, M.S. Rezaie

AT THE CROSSROADS OF TWO CULTURES: RUSSIA AND IRAN IN Yu.N. TYNYANOV'S NOVEL *DEATH OF VAZIR-MUKHTAR*

This work is devoted to the Russian-Iranian relations which are reflected in Russian literature. It is a study of the historical memory of Russia about contacts with the Iranians, both with nobles and ordinary people. This memory inevitably affects a wide range of historical, sociological and religious issues, and is embodied in literary and artistic form. The fact of A.S. Griboedov in Persia is also reflected in the artistic canvas of Yu.N. Tyntyanov *Death of Vazir-Mukhtar*. The desire of the writer to solve the problem of historical truth in the novel causes ambiguous assessments of critics.

Russian-Iranian relationship, literary and artistic form, A.S. Griboedov, Yu.N. Tyntyanov, historical truth.